

А. Е. Загребин

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЙ РОМАНТИЗМ КАК ДВЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ФИННО-УГОРСКОЙ ЭТНОГРАФИИ В РОССИИ

В научной и справочной литературе встречаются разные толкования и определения эпохи Просвещения, чаще всего связываемой с отказом от провиденциализма и господствовавшей в ученой среде средневековой схоластики¹. Благодаря этому в эпоху Просвещения складывалась логически выстроенная концепция поступательного освоения природы, включающей человечество во всем его культурном многообразии. Несмотря на приоритет естественно-математических знаний в XVIII в. значительное развитие получили гуманитарные науки, пытавшиеся обнаружить и обосновать законы человеческого общежития². Не случайно, стремление к рациональному познанию мира охватило в те годы европейскую периферию и сопредельные с ней азиатские земли, где в массе своей жили финно-угорские (уральские) народы.

Думается, что одной из причин развития географических и этнографических исследований в России стало заложенное просветителями представление о некоем цивилизационном зонировании³. Как пишет Р. Уортман, «одним из знаков выхода России „на театр славы всего мира“ стало ее участие в европейском проекте географических исследований»⁴. Произшедшая в петровское время верхушечная европеизация страны предполагала среди прочих проектов обнаружение и изучение собственных маргинальных (колонизируемых) зон, ибо продемонстрировать свою цивилизованность можно было, в том числе, путем трансляции западных ценностей далее на Восток. Таким образом, прежнее мифологизированное пространство, контуры которого были весьма условны (часто обозначались собирательными названиями типа чудь, чухна, мордва, черемиса, пермь, остяки и др., под которыми могли скрываться различные этнические группы, обладавшие немалым количеством внешних и внутренних этнонимов), должно было стать обширным полем деятельности не только для этнографа, но и учителя-миссионера и чиновника. Неоднократно отмечавшаяся учеными хозяйственно-культурная и религиозная близость русских и российских финно-угров подавала властям определенную надежду на скорое «обрусение» последних⁵. С культурологической точки зрения земледельческие восточно-финские народы виделись просветителям как некое переходное звено, сообщающее западные импульсы за Урал и передающее сведения о Сибири в европейскую часть, т. е. туда, где они осмысливались и приобретали печатную или картографическую форму.

Финно-угорская проблематика была частью историко-культурных исследований в России, вне зависимости от того, к какому течению или школе принадлежали ученые, прилагавшие определенные усилия к ее разработке. Например, академик Г. Ф. Миллер посвятил немало времени и сил изучению славяно-финно-угорских взаимоотношений, а его оппонент М. В. Ломоносов начинает свою «Древнюю Российскую историю...» со слов, ставящих знак равенства между «...старобытными в России обитателями, славянами и чудью»⁶. Постепенно включаемое в сферу академического интереса финно-угроведение

приобретало дисциплинарный характер, определяемый реализацией научных планов и наличием оплаченного государством заказа. Так, в протоколе исторического департамента Академии наук, предшествовавшего Физической экспедиции (1768–1774 гг.), в качестве одного из перспективных направлений исследований выделялось изучение т. н. финских народов — «Nations qui descendent, à juger par la langue qu'elles parlent, des Finlandois» в составе саамов, коми, удмуртов, мари, чувашей, тептярей, мордвы, хантов и манси⁷.

Вместе с тем, возможность последующих теоретических конструкций и практических реконструкций находилась в прямой зависимости от способности исследователей народного быта самостоятельно добывать опытный материал⁸. Одним словом, идея экспедиции как специального «ученого путешествия», дающего возможность непосредственного наблюдения, была чрезвычайно актуальна для развития науки в ту эпоху. Прежде всего необходимо было расстаться с привычной организацией научного труда и отправиться в полную неизвестности дорогу. Пожалуй, наиболее точно по этому поводу высказался А. Л. Шлёцер, отмечавший, что шаги истории надлежит прослеживать не столько по военным дорогам завоевателей, сколько по проселкам, по которым незаметно крадутся купцы, миссионеры и путешественники⁹.

В истории финно-угорovedения найдется немало примеров, иллюстрирующих деятельность «экспедиционных товариществ». Одним из наиболее ранних опытов такого рода была поездка Д. Г. Мессершмидта по Сибири (1720–1727 гг.)¹⁰. Будучи на первых порах «полководцем без армии», доктор Мессершмидт в экспедиции нашел родственных ему по духу скитальцев, правда, в отличие от него, подневольных. Военнопленные шведы с готовностью приняли предложение Мессершмидта отправиться в неизвестность, приняв его верховенство не только по причине начальственного статуса, но и учитывая его духовные качества, безусловно, усиленные их общим пистическим настроением¹¹. Ученый, в свою очередь, разделил с ними не только все тяготы сибирского странствия, но и поделился собственными знаниями, которые сформировали его «верного драбанта» — Ф. И. Страленберга как исследователя, выросшего до собственных оценок собранного в поле материала¹². Несколько иной пример экспедиционного товарищества представляет полевая работа руководителей сухопутного отряда «Великой Северной (2-ой Камчатской) экспедиции» (1733–1743 гг.) — Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина. Будучи поначалу малоопытными и в какой-то мере легкомысленными молодыми людьми, чье мировоззрение с успехом сочетало авантюризм с традиционной немецкой работоспособностью, они в дороге проделали огромную работу, прежде всего над собой¹³. Преодолевая абстрагированность от этнокультурного окружения, участники экспедиции смогли реализовать амбициозные планы по описанию необъятных пространств Восточной России, известной в европейской историографии («... под именем Татарию».

Поколение, пришедшее в российскую академическую науку во второй половине XVIII в., было так же, как и их предшественники, увлечено идеей экспедиции, в которой просветительские цели сочетались с государственной необходимостью (ставились задачи научного описания всей империи с точки зрения истории, управления и административного деления, физической географии и экономики, включая зоологию и ботанику)¹⁴. В качестве одного из направлений выделялись исследования сравнительного характера по выявлению связей между финскими и угорскими народами, но для решения столь серьезных задач необходимы были специалисты¹⁵. Логическим продолжением данной идеи стала конкретная задача совместить академический интерес и стремление финских и венгерских ученых более глубоко исследовать историческое и культурное прошлое своих народов.

В 1795 г. П. С. Паллас от имени Санкт-Петербургской Академии наук обратился к продолжателю шлёцеровской научной традиции, финляндскому профессору Х. Г. Портану с предложением приехать в Россию, чтобы заняться изучением родственных финнам народов¹⁶. К сожалению, почтенный возраст и состояние здоровья не позволили Портану принять это предложение. Вместе с тем, Портан выразил надежду, что наверняка найдется некий «...разумный молодой человек, который сможет осуществить это путешествие прежде, чем эти различные народы окончательно ассимилируются с русскими»¹⁷. Такой ответ, кроме известного пессимистического настроения относительно будущего российских финно-угров, подразумевал и то, что судьба исследований финно-угорских народов зависит не только от дальнейшего поиска и обработки полевых материалов, но и от своевременного появления новой генерации исследователей, способных взять на себя инициативу в решении ранее поставленных научных задач¹⁸.

В первые годы XIX в. изменилась идеологическая ситуация в Европе. На смену эпохе Просвещения пришло время романтизма, идеям которого суждено было сыграть важную роль в становлении этнографического финно-угроведения. Вера, духовность и уникальность, провозглашенные романтиками основными ценностными ориентирами, были противопоставлены рациональному и универсальному концепту просветителей. В этой связи находившиеся в рамках гетерогенных империй финно-угорские этнические меньшинства могли надеяться на сохранение культурной идентичности, рассчитывая только на интегрирующую силу своего языка и традиций¹⁹. Сложность заключалась еще и в том, что в большинстве случаев единых литературных финно-угорских языков пока не существовало, тогда как множественность диалектов, локальных традиций и местных идентичностей отнюдь не способствовала формированию единого национального сознания²⁰. Попытки просветителей по созданию грамматик и переводу источников христианского вероучения на народные языки заложили лишь первичный пласт модерной культуры, что в принципе предполагало дальнейшее развитие образованности, в том числе светской²¹. Однако вряд ли было возможно дальнейшее развитие в этом направлении без актуализации в обществе процессов самопознания и самооценки. Кто мы, зачем и чем мы отличаемся от наших соседей, есть ли на свете родственные нам народы,— все эти вопросы, скорее всего, мало волновали идеализированного в текстах предыдущей эпохи пахаря, пастуха и рыбака, но стали жизненно важными проблемами для рожденной Просвещением интеллигенции.

Вместе с тем эпоха Просвещения, особенно в поздний предромантический период, подготовила благодатную почву для восприятия европейским обществом национальных идей и интегрирующих культурных проектов²². Во-первых, заметно увеличилось число грамотных людей, способных с помощью печатной продукции на родном языке формировать свое мировоззрение, чувство личной причастности к истории страны и населяющего ее народа. Во-вторых, стремительный рост территорий многонациональных империй в XVIII в. повлек за собой развитие бюрократических институтов на местах, служащие которых в силу своих должностных обязанностей должны были разбираться в коллизиях этнического взаимодействия в подконтрольных регионах. Еще одним фактором развития национального самосознания европейских народов было, как отмечал Б. Андерсон: «медленное, географически неравномерное распространение специфических родных языков как инструментов административной централизации, используемых некоторыми занимавшими прочное положение монархами, претендовавшими на абсолютность власти»²³. Данная тенденция в значительной мере была присуща истории просвещения финно-угорских народов Российской империи с тем лишь отличием, что в некоторых областях претендующий на доминирование русский импульс сосуществовал со сложившимся ранее историческим билингвизмом,

как это было, например, с немецким языком в Прибалтийских губерниях, шведским в Великом княжестве Финляндском и татарским в ряде мест Закавказья, Урала и Западной Сибири²⁴. Региональное просветительство, прежде связанное с миссионерскими организациями и государством, все чаще задействовало потенциал университетских центров, в рамках которых возникают краеведческие и патриотические кружки, руководствовавшиеся идеями национального романтизма и нацистроительства.

Национальные запросы и чаяния образованной части общества обрели активных борников в лице деятелей науки, ориентированных на практическое освоение окружающего мира, независимо от того, начинался этот мир за далекими морями и горами или прямо за городской заставой. Таким образом, в нужный момент профессиональная наука поддержала позитивистскими методиками и авторитетными именами начатое тогда романтиками строительство замка национальной культуры, политики и государственности. Данную ситуацию можно интерпретировать, опираясь на предложенную чешским историком М. Хрохом периодизацию истории развития национального движения в Европе. Выделяемые в качестве основных критериев социальные факторы: зарождение научного интереса к родному языку, географии, истории, фольклору и другим проявлениям традиционной культуры, — по мнению чешского ученого, свидетельствуют о разворачивании начальной стадии национального движения, т. н. «Фазы А»²⁵. Применительно к финнам, венграм и отчасти к эстонцам данная схема работает почти безупречно²⁶. Национальное движение, начатое интеллектуалами, постепенно привлечет к себе внимание третьего сословия и даже знати, а затем, с помощью институтов власти, пропаганды и образования окажет воздействие на крестьянские массы. Что же касается финнов-ингерманландцев, води, ижоры, карелов, вепсов, коми, удмуртов, мари, мордвы, хантов и манси, которые в рассматриваемый период еще не успели обзавестись собственной интеллигенцией и тем более буржуазией, следует говорить скорее о подготовительной стадии, когда образ народной культуры конструировался благодаря воздействию внешних сил²⁷. Применительно к истории этнографических исследований можно заметить, что финно-угорские народы России, с одной стороны, выступали в качестве объектов научных изысканий ученых, представляющих империю, с другой стороны, интересовали энтузиастов этнографического финно-угроведения из Венгрии и Финляндии, хотя в большинстве случаев это были одни и те же люди²⁸. Дело в том, что появившаяся в период наполеоновских войн молодая поросль европейской интеллигенции пыталась расстаться со ставшими уже классическими установками минувшего века, предпочитая искусственным образам и пасторальям реальное знание о собственном народе, его исторических корнях и связях. Однако осуществление масштабных научных и культурных проектов необходимо было согласовывать с властями и заручаться их поддержкой, по крайней мере, на первых порах.

Народолубие, творческий поиск и культ свободной личности объединил в 1815 г. молодых преподавателей и студентов Абоского (Туркуского) университета в Финляндии. Кружок туркуских романтиков воспринял наследие германских буршеншафтов и скандинавских возмутителей академической стабильности, вместе с тем его участники не отказались от патриотических и просветительских замыслов основателя национальной исторической науки Х. Г. Портана²⁹. Одним из главных заветов Портана был призыв к молодежи отправиться на поиски древней истории финнов, перенеся исследование в Россию, где, по его мысли, следовало искать территорию финской прародины и свидетельства утраченного золотого века предков³⁰. Инициативная молодежь должна была попытаться найти понимание у властей империи и автономии, заручиться поддержкой влиятельных лиц, а, может быть, и сыграть на их противоречиях.

Большим другом финляндских интеллектуалов был государственный канцлер Российской империи граф Н. П. Румянцев, являвшийся автором основных положений Фридрихсгамского мира, по условиям которого Финляндия вошла в состав России, и вдохновителем Боргоского сейма 1809 г., утвердившего автономный статус княжества. Выйдя в отставку, Румянцев, будучи одним из образованнейших и (что немало важно) богатейших людей страны, решил употребить имеющиеся в его распоряжении средства на отыскание новых документов, памятников и свидетельств отечественной старины. Постепенно вокруг него сплотилась группа молодых ученых, ставших членами его кружка и проводниками исследовательских идей мецената³¹. Одним из главных румянцевских проектов должно было стать комплексное историко-культурное изучение финно-угорских народов России, жизнью которых он заинтересовался после знакомства с «северными» трудами Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлёцера и с переводами работ Х. Г. Портана³². Румянцев просил своих финляндских знакомых порекомендовать ему достойного молодого исследователя для осуществления задуманного путешествия. Такой энтузиаст нашелся и, наверное, символично, что им стал деятельный участник движения туркуских романтиков А. И. Шёгрэн. Пройдет время, и осевший в России академик Шёгрэн начнет собирать вокруг себя новое поколение финно-угроведов. Первым из них станет преподаватель Ревельской гимназии и его будущий преемник по академическому департаменту Ф. И. Видеман, затем из Гельсингфорса приедет, приобшившись на родине к борьбе за права финского языка, М. А. Кастрен³³.

Думается, что ученый кружок в романтический период стал новым типом исследовательского института, свободной ассоциацией ученых-гуманитариев, объединенных идеей патриотического служения. Участники кружков пытались до времени дистанцироваться от власти, но при случае не отказывались использовать ее возможности. Эта интеллигентская дружба/вражда с властью чаще всего проявлялась в организационно-популяризаторской работе научных кружков и просветительских обществ. Например, при поиске источников финансирования поездки А. И. Шёгрена были задействованы средства Финляндского Сената, деньги на Сибирскую экспедицию М. А. Кастрена отпустила Императорская Санкт-Петербургская Академия наук. Вместе с тем, периодические и монографические издания румянцевской «ученой дружины», альманахи туркуских романтиков, манифестации «субботного общества» и многие другие акции и периодические издания романтической эпохи в своем народолюбии нередко выходили за рамки дозволенного официальной цензурой. Участники патриотических кружков, ставя перед собой, казалось бы, сугубо национальные цели, в результате предпринятых поисков выходили на иной, уже интернациональный уровень³⁴. Финны и венгры, мечтавая узнать свое прошлое, откроют для себя и мира затерянные на российских просторах родственные народы, а русские ученые получают ценные языковые и историко-этнографические материалы о своей многонациональной стране.

С точки зрения формирования национальной истории было крайне важно обнаружить свидетельства социальной жизни предков, желательно опирающиеся на документальный материал, подкрепленный этнографией, фольклором и топонимикой. Финские и венгерские ученые, таким образом, изначально стремились и, по сути дела, вынуждены были сконцентрировать внимание на реконструкции начального этапа истории своих народов, частью чего были поиски финно-угорской прародины.

Первые попытки выявить местонахождение легендарной страны и отождествить ее население с каким-либо конкретным народом финно-угорского происхождения были предприняты финскими учеными. Древние жители Биармии, по мнению Х. Г. Портана, были сильными и свободными племенами³⁵. Страна Биармия отождествлялась

им с Пермью, с указанием, что это скандинавское и славянское наименование одного и того же региона. В 1843 г. М. А. Кастрен писал: «По причине неровности страны некоторые ученые производили имя Пермь, Пермия, Биармия от финского слова *waagamaa* (гористая страна). Но гораздо естественнее в филологическом отношении производство этого слова от *Perämaa* — название, которое, должно полагать, дано этой стране заволочанами, потому что она находилась за их областью. Пермское племя простиралось прежде от северного Заволочья, от Двины к югу до Камы»³⁶. Определенная локализация Перми содержится в русских письменных памятниках эпохи средневековья. Наиболее ранние сведения о *перми*, по мнению В. Н. Татищева, содержатся в «Степенной книге» X в., а также в «Повести временных лет», в которой *пермь* помещена между *чудью заволочской* и *Печерой*. В договорных грамотах Великого Новгорода XIII—XIV вв. *пермь* названа в числе новгородских волостей. В «Житии святого Стефана, епископа Пермского» выделены гидронимические маркеры искомой территории в конце XIV — начале XV вв.: это реки Вымь, Вычегда, Вятка и Кама³⁷. Данные сведения позволяют с большой долей вероятности соотнести этноним *пермь* с предками современных пермских народов — коми, коми-пермяков и удмуртов³⁸. Примечательно, что уже в начале XIX в. любителями местной старины предпринимались попытки найти документальное и материальное подтверждение легендарных историй о древней «чудии» и «чудских городках» в районе Перми и Чердыни, тем самым актуализируя «чудскую» проблематику в российской этнографии³⁹. Тем не менее, несмотря на кажущееся обилие разнохарактерных источников и гипотез, вопрос об отождествлении понятий Биармия и Пермь еще далек от разрешения, являясь частью более широкой научной дискуссии о прародине финно-угорских (уральских) народов⁴⁰.

Под другим углом зрения проблема была рассмотрена венгерским пионером полевой финно-угристики А. Регули, который с жалкими грошами в кармане зимой 1844–1845 гг. прошел в невероятно трудных условиях по обеим сторонам северного Урала. В надежде найти свидетельства местонахождения прародины венгров, мифической Великой Венгрии (*Magna Hungaria*), он поднялся к одной из наиболее почитаемой обскими уграми горной святыне, у подножия которой берет начало маленькая, но бурная речка Егра (коми *Ёгра*). Там романтически настроенный Регули ощутил себя в центре «финно-угорского мироздания», на перевале, по которому на протяжении столетий двигались древние финны и угры⁴¹. Отмеченный на этнографической карте Регули гидроним Егра (*Jegra*) заслуживает особенного внимания, т. к. он традиционно являлся коми, а затем и русским (*Югра*) обозначением обско-угорских народов и их земли. Возможно, Регули не нашел конкретной территории прародины венгров, зато ему открылся древний маршрут пушной торговли, сопоставимый с величайшими купеческими дорогами мировой истории. Этот узкий горный проход через Урал, образованный становящейся по весне судоходной рекой, связывал два родственных сообщества: финнов, прежде всего коми-зырян и обских угров, хантов и манси. Таким образом, А. Регули обнаружил естественный и в то же время символический финно-угорский мост.

Актуализация проблемы финно-угорской (уральской) прародины произошла после возвращения М. А. Кастрена из Сибирской экспедиции 1844–1849 гг., когда им была выдвинута гипотеза урало-алтайского языкового родства. Причиной тому, очевидно, послужили его языковые записи, выявившие многочисленные лексические заимствования тюркского происхождения в местных (самодийских) говорах. Сделанные Кастреном полевые наблюдения позволили ему говорить об уральском происхождении ряда малочисленных енисейских народов: коттов, маторцев, койбалов и др., прежде считавшихся тюрками. Таким образом, возникла возможность выдвижения идеи о непрерывности

прауральского населения от Алтая до Скандинавии. Приводя в пользу своего мнения данные топонимии, языка и археологии, Кастрен считал, что территория изначального расселения «финского племени» могла располагаться в бассейне верхнего течения Иртыша, у истоков Енисея в Саянах. Дискуссионность многих положений данной гипотезы была хорошо понятна и самому Кастрену, готовому обсуждать и спорить, но преждевременная смерть не позволила ему найти дополнительные аргументы в поддержку своей теории.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что интеллектуальный прорыв, совершенный наукой в эпоху Просвещения, способствовал не только разрушению замкнутой европоцентричной модели истории. Программные заявления просветителей, их философия и практическая деятельность, несмотря на глобальность цели, неизбежно приближали наступление эпохи национальной истории и культуры. Начато просветителями движение к высотам разума предполагало распространение среди разных народов чувства сопричастности к всеобщей истории, что неизбежно вело к закреплению в умах идеи равенства культур. Словом, гибкость и приспособляемость просветительской идеологии к местным условиям позволила ей завоевать обширные пространства по обе стороны Урала. Прижившись на местной почве, просветительство и национальный романтизм стали неотъемлемой частью общественной жизни, находя самые разные формы и проявления, от высоких образцов живописи, музыки и литературы, до каждодневных занятий школьного учителя с учениками, а приходского священника со своей паствой, желающей услышать слово на родном языке. Часто просветители по профессии были романтиками по духу, с успехом соединяя в себе два мировоззрения и воспринимая свое служение народу как миссию, находящуюся «между разумом и чувством».

¹ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 312–313.

² Слэзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII в. и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 121.

³ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. С. 35.

⁴ Уортман Р. Записки о путешествиях и европейская идентичность России // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 33.

⁵ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 65, 71.

⁶ Древняя Российская история от начала российского народа до кончины князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым статским Советником, Профессором Химии и Членом Санктпетербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. СПб., 1766. С. 5.

⁷ Branch M. The Academy of Science in St. Petersburg as a center of Finno-Ugrian studies 1725–1860 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1995. Vol. 86. P. 70.

⁸ Zagrebin A. Researcher and Power, or about same Peculiarities of Finno-Ugric Fieldwork in Russia // Kultuur ja võim. ERM 46. konverents. Tartu, 2005. P. 46–47.

⁹ August Ludwig von Schlözer und Russland // Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas / Hrsg. Von E. Winter. Berlin, 1961. Bd. 9. S. 10.

¹⁰ Winter E. Die wissenschaftliche Erforschung Sibiriens in der Petrinischen zeit. Die Sieben Jahrige Forschungsreise D. G. Messerschmidts durch Sibirien (1720–1727). М., 1971.

¹¹ Härmäläinen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII. über die finnisch-ugrischen Völker // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1937–1938. Vol. 49. S. 7–8.

¹² Zagrebin A. E. Ф. И. Страленберг и В. Н. Татищев у истоков этнографического изучения финно-угорских (уральских) народов // Уральский исторический вестник. 2006. № 13. С. 61–62.

¹³ Zagrebin A. Die Position des Autors in der «Nachricht von den Tschermisien, Tschuwaschen und Wotiacken» // Hamburger Sibirische und Finno-Ugrische Materialien. 2005. Bd. 3. S. 105–110.

¹⁴ Камков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР (1724–1917): В 2 т. М., 1977. Т. 1. С. 119–120.

- ¹⁵ *Branch M.* The Academy of Science in St. Petersburg as a center of Finno-Ugrian studies, 1725–1860 // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1995. Vol. 86. P. 69–73.
- ¹⁶ *Setälä E. N.* Dem Andenken H. G. Porthans // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1904. Bd. 4. S. 5–6.
- ¹⁷ Цит. по: *Branch M. A. J.* Sjögren studies of the North // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1973. Vol. 152. P. 26.
- ¹⁸ *Карху Э. Г.* Постановка проблемы финско-русского научно-культурного сотрудничества в конце XVIII — начале XIX в. // *Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков*. Л., 1980. С. 142.
- ¹⁹ *Honko L.* Traditions in the constructions of cultural identity // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries*. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 25–27.
- ²⁰ См., подробнее: *Дамокош П.* История удмуртской литературы. Ижевск, 1993; *Он же.* Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993; *Луутонен Й.* Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературном языке в начале XX в. // *Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в.* Ижевск, 2000. С. 21–42.
- ²¹ См., например: *Харламович К. В.* Казанские новокрещенские школы (К истории христианизации инородцев Казанской епархии в XVIII в.) // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*. 1905. Вып. 21. С. 1–91.
- ²² *Дмитриев А. С.* Романтизм и Просвещение — борьба или взаимодействие? // *Вопросы литературы*. 1972. № 10; *Культура и общество в эпоху становления наций*. М., 1974; *Луков В. А.* Предромантизм. М., 2006. С. 515.
- ²³ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 63.
- ²⁴ См., например: *Западные окраины Российской империи*. М., 2006; *Кантелер А.* Образование наций и национальные движения в российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М., 2005. С. 395–435; *Миллер А.* Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. 2003. № 4. С. 393–406.
- ²⁵ *Хроч М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 121–145; *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985. P. 183–185; *Лалужка С.* Формирование национальных движений на окраинах империй. Вводные заметки // *Этническая мобилизация во внутренней периферии. Волго-Камский регион начала XX в.* Ижевск, 2000. С. 5–13; *Мыльников А. С.* Типология национальных движений в Европе XIX–XX вв. // *Этнографическое обозрение*. 1992. № 4. С. 132–135.
- ²⁶ См.: *Hovi K.* Der finnische und estnische Nationalismus. Ein Vergleich // *Finns and Hungarians between East and West*. Helsinki, 1989. S. 51–56; *Kemiläinen A.* Die Grundfaktoren des europäischen und finnischen Nationalismus im neunzehnten Jahrhundert // *Ibid.* S. 57–74. *Spira G.* Das sich modernisierende Ungarn und die nationalitätenfrage // *Ibid.* S. 21–38.
- ²⁷ *Зырянский мир. Очерки по традиционной культуре коми. Сыктывкар*, 2004; *Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювясколя*, 1995; *Марийцы: историко-этнографические очерки*. Йошкар-Ола, 2005; *Мордва: историко-культурные очерки*. Саранск, 1995; *Очерки истории Югры*, Екатеринбург, 2000; *Удмурты: историко-этнографические очерки*. Ижевск, 1993.
- ²⁸ *Branch M.* The Academy of Sciences in St. Petersburg as a centre for the study of nationalities in the North-East Baltic // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries*. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 127–130; *Sokolova Z. P.* On the role of the Russian Geographical Society and its Department of Anthropology as well as of the Academy of Sciences of Russia in the development of studies in the peoples kindred to the Finns // *Pioneers: The History of Finnish Ethnology*. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1992. Vol. 1. P. 9.
- ²⁹ *Карху Э. Г.* История литературы Финляндии от истоков до конца XIX в. Л., 1979. С. 125–143.
- ³⁰ *Setälä E. N.* Dem Andenken H. G. Porthans // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1904. Bd. 4. S. 5–6; *Такала И. Р.* Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии. Петрозаводск, 2006. С. 23–27.
- ³¹ См. подробнее: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 45–99.
- ³² *Барышева Е. А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 3. С. 97–98; *Похлебкин В. В.* Переписка Н. П. Румянцева с финляндскими учеными // *Скандинавский сборник*. 1962. № 5. С. 321–323.

³³ *Korhonen M.* Uralilaisten kansojen ja kielten tutkijoita // *Matka-Arku*. Helsinki, 1993. S. 225–226; *Ariste P.* Ferdinand Johann Wiedemann. Tartu, 1971.

³⁴ *Мустелин О.* Историография в Финляндии в 1809–1866 гг. // *Скандинавский сборник*. 1968. № 3. С. 283.

³⁵ *Sihvo H.* Karelia: a source of Finnish National History // *National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries*. Studia Fennica: Ethnologica. Helsinki, 1999. Vol. 6. P. 187.

³⁶ *Castrén M. A.* Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 // *Nordische Reise und Forschungen*. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2. S. 27.

³⁷ *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская // *Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века*. Ижевск, 1999. С. 300–305; *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV—начала XVI вв. М., 1974. С. 203.

³⁸ *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 323–324.

³⁹ *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821; *Лашук Л. П.* Чудь историческая и чудь легендарная // *Вопросы истории*. 1969. № 10. С. 208–216; *Миненко Н. А.* Предания о чуди и народная концепция присоединения Сибири // *Этнологические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов*. Новосибирск, 1986. С. 46–59.

⁴⁰ *Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997. С. 105–198.

⁴¹ *Stipa G. J.* Finnisch-Ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neupositivismus // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1990. Vol. 206. S. 305.